12+

Иван Кондратьев



Иван Кондратьев

Конец Британии. Или как избежать конца света

https://litres.ru/74834374
ISBN 9785007160926

Аннотация

Молодые люди попадают в центр непонятных событий и пытаются докопаться до причин случившейся катастрофы. В результате им удается создать приемлемую физическую модель взаимодействия, объясняющую произошедшее. Параллельно они выходят на некие фундаментальные законы, меняющие привычное мировоззрение.

Содержание

Лондон 5
Москва 16
Снова Лондон 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Конец Британии
Или как избежать конца света

Иван Юрьевич Кондратьев

© Иван Юрьевич Кондратьев, 2026

ISBN 978-5-0071-6092-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Британия, прекраснейший из островов, лежит в западном Океане, между Галлией и Иберией, простирается на восемьсот миль в длину и на двести в ширину и с неубывающим плодородием доставляет смертным все, в чем они испытывают нужду.

Гольфрид Монмутский «История Бриттов» 1138 г.

Столица Британии по-прежнему — один из крупнейших финансовых центров мира, и инерция традиции здесь огромна…

Лондон

Борис шёл по мосту через Темзу, мысленно повторяя основные тезисы своего доклада — о том, как уязвим Остров при современных методах ведения войны, сколько волн налётов потребуется, чтобы парализовать ключевые узлы. Он почти не замечал города вокруг — только краем глаза фиксировал привычную суету Лондона, будто она была фоном к его расчётам.

И вдруг часть Букингемского дворца просто взорвалась. Без свиста ракеты, без гула дрона, без предупреждающего воя — просто вспышка и ударная волна, которая докатилась до моста, качнув даже тяжёлые опоры. Борис замер, не веря глазам.

А потом город будто щёлкнули выключателем: над улицами взвыли сирены, экраны на остановках погасли, в смартфонах пропали новости. Через считаные минуты интернет «лёг» — сайты не открывались, соцсети молчали. Работала только мобильная связь и СМС: от полиции приходили короткие сообщения с просьбой сохранять спокойствие и не выходить из дома. Борис вспомнил про музей техники, где недавно бродил между витрин с ламповыми приёмниками и старыми телеграфными ключами. Там был тот самый радиоприёмник — тяжёлый, с деревянной панелью и крупными ручками настройки.

Если связь пропала, может, хотя бы эфир ещё жив. Он побежал, лавируя между растерянными прохожими. Те переговаривались, сбиваясь в кучки: «Говорят, Хитроу горит…», «В Феликстоу что-то рвануло у причалов…», «Евротуннель закрыт, поезда встали…». Эти обрывки били по сознанию, как удары молотка. Ещё час назад его тезисы были абстракцией, а теперь они превращались в расписание чьей-то смерти.

Музей встретил его пыльной тишиной. Борис рванул дверь в запасник, схватил приёмник, дрожащими пальцами подсоединил провода, крутанул ручку — и вместо новостей услышал густой, холодный треск.

И вдруг сквозь помехи прорвался сухой, официальный голос: «…подтверждаем потерю связи с узлами наблюдения. Данные противоречивы. Верификация источников невозможна. Просим все подразделения действовать по резервным протоколам».

«Палантир слеп», — пронеслось в голове Бориса. Не сломан, не отключён — именно слеп. Система, которая должна была видеть всё, теперь не знала, чему верить.

В эфире мелькали и человеческие голоса — короткие, панические сообщения с любительских частот: «Мы в доках, тут дым… не знаем, куда идти…», «У нас нет света, вода не идёт…».

Борис достал блокнот и торопливо записал: «Палантир не видит. Никто не видит».

Дверь скрипнула. На пороге стоял пожилой охранник.

— Ты что тут делаешь? Тут небезопасно.

— Пытаюсь понять, что происходит. Вы слышали про Палантир?

Охранник усмехнулся устало:

— Смешное название. А по мне, так просто серверы упали. Или их уронили.

— А если не упали? — тихо сказал Борис.

— Если их специально сделали слепыми? Чтобы никто не увидел, откуда пришли удары?

— Если хочешь правду, — кивнул старик на приёмник, — слушай не приказы. Слушай тишину между словами. Там она прячется.

Борис снова повернулся к аппарату. В паузе между треском он уловил ровный, механический гул — будто чей-то холодный, расчётливый пульс, повторяющийся каждые семнадцать секунд. Он записал: «Странный сигнал. Повторяется каждые 17 секунд». И тут его осенило: на старой схеме лондонских подземных коммуникаций, которую он видел в музее, на полях кто-то вывел карандашом: «Синхронизация по времени».

Он резко поднялся.

— Мне нужно в центр связи, — сказал он охраннику.

— Там должны быть логи, хоть что-то.

— Туда не пройти, — покачал головой старик.

— Всё перекрыто. Да и кому ты это расскажешь? Сейчас

каждый сам за себя.

— Не каждому, — твёрдо сказал Борис. — Тем, кто ещё умеет слушать.

На углу он остановился и маркером вывел на стене: «Палантир сломан. Не верьте готовым ответам». Прохожий замедлил шаг, вчитался, поднял глаза.

— Думаешь, это поможет?

— Думаю, это начало, — ответил Борис и пошёл дальше.

Из тени арки его окликнули:

— Борис! Стой.

Катя. Лицо бледное, волосы растрепались, в руке — тактический фонарик, светящий вниз, чтобы не выдать позицию.

— Я шла на встречу с тобой, — быстро сказала она. — В посольство не попасть: периметр перекрыт. Дипломатические каналы молчат. Вообще всё, что шло через спутники, — мертво.

— Значит, Москва правда не при делах?

— Не при делах, — твёрдо сказала Катя. — У нас там сейчас паника другого рода: никто не понимает, что происходит, потому что нет данных. Как будто кто-то выдернул вилку из розетки у всей системы наблюдения.

Борис показал ей радиоприёмник и записи.

— Семнадцать секунд, — задумчиво повторила Катя. — Это синхронизация. Либо кто-то координирует действия, либо система сама себя «перезагружает» по таймеру.

Они двинулись дальше, держась ближе к стенам. Борис достал блокнот, развернул схему.

— Смотри: если наложить точки ударов на старую схему подземных коммуникаций, они совпадают с узлами распределения энергии и резервных каналов связи. Кто-то не хотел захватить Лондон. Он хотел его ослепить.

Катя склонилась над страницей.

— Это не военная операция, — прошептала она. — Это зачистка.

Они добрались до резервного узла связи — тесной комнаты с рядами шкафов и редкими зелёными огоньками на панелях. Борис включил консоль, ввёл простую команду. На экране побежали строки. Мелькнул знакомый идентификатор — тот самый, связанный с экспериментальными биотехнологическими лабораториями.

— Биотех… — прошептала Катя. — Удары не по городу. Удары по следам. Кто-то уничтожает доказательства.

В коридоре раздался тяжёлый, размеренный шаг. Не паника, не бег — уверенный, расчётливый звук. Катя погасила фонарик и подтолкнула Бориса к нише за шкафами.

Дверь скрипнула. В проёме появились силуэты в тёмных костюмах, с приборами, похожими на сканеры. Один подошёл к консоли, пробежал пальцами по клавиатуре — и экран погас.

— Данные удалены, — сухо сказал он. — Переходим к следующему узлу.

Когда шаги стихли, Катя и Борис выбрались из укрытия.

— Кто это был?

— Те, кто убирает за всеми, — ответила Катя.

Она достала из внутреннего кармана старую распечатку — список адресов. Один был обведён красным.

— Есть ещё одна точка, — сказала она. — Резервный архив. Там могли остаться копии. Но если мы туда пойдём, нужно быть готовыми к тому, что нас будут ждать.

Борис посмотрел на свой блокнот, где на последней странице было выведено: «Палантир сломан. Не верьте готовым ответам».

— Тогда пойдём, — сказал он. — Потому что если мы не найдём правду сейчас, её сотрут вместе со всеми логами.

Резервный архив оказался тесным подвалом: стеллажи, картонные коробки, запах сырости. Катя быстро нашла папку с пометкой «Синхронизация: резервные копии». Борис раскрыл её: распечатки логов, временные метки, графики нагрузки. И поверх них карандашом: «Не совпадает с расписанием».

Время первого удара — 14:03. Время отключения «Палантира» — 14:02. В логах резервного сервера: «Принудительный сброс по внешнему сигналу» и тот самый идентификатор.

— Это не сбой, — тихо сказал Борис. — Это команда.

— И если это всплывёт, — добавила Катя, — начнётся охота. Сначала объявят нас террористами, потом — агента-

ми. Потом — цепная реакция. Никто не будет разбираться, кто на самом деле всё это устроил.

Борис медленно закрыл папку.

— Ты права, — сказал он. — Никто не поверит. А если поверят — будет хуже. Проще сказать, что «Палантир сбредил». Что случился глобальный сбой.

Катя протянула ему зажигалку. Борис покачал головой.

— Нет. Я не буду это жечь. Не потому что надеюсь, что когда-нибудь это пригодится, а потому что если я сожгу — значит, я стану таким же, как те, кто всё это устроил. Они уничтожают следы. А я просто не стану их показывать.

Вместо этого он разорвал папку на мелкие клочки, перемешал с мусором в старом ведре, сверху положил старые газеты и скомканные черновики. Пусть это выглядит как обычный хлам.

Они вышли из подвала. На улице уже стемнело окончательно. Город будто затаил дыхание. Борис остановился у стены, где ещё днём написал маркером свою надпись. Теперь дождь и ветер почти стёрли её — только отдельные буквы проглядывали сквозь потёки. Он достал свой блокнот и вырвал из него все страницы с записями. Разорвал на такие мелкие кусочки, что ветер тут же подхватил их и разнёс по переулку.

— Я больше не буду искать доказательства, — сказал он. — Я буду искать способ выжить. И не дать другим стать разменной монетой в чужой игре.

Катя посмотрела на него долгим взглядом.

— Тогда давай сделаем самое простое, — предложила она. — Пойдём туда, где нас точно не будут искать. Туда, где нет ни «Палантиров», ни дипломатических каналов, ни тайных обществ. Туда, где можно просто переждать.

Лондон был напичкан камерами — они торчали над каждым подъездом, на каждом углу, на фонарных столбах, будто город сам себя боялся. Борис замечал их чёрные цилиндры, застывшие, как глаза хищников.

От этого становилось не спокойнее, а страшнее: если кто-то захочет их найти, он найдёт. Они свернули в узкий переулок, где старых домов было больше, а камер — меньше. Катя накинула Борису на плечи шарф, прикрывая воротник и часть лица, протянула тёмную кепку.

— Не «они», — сказала она. — А «оно». Система. Даже если люди сейчас не следят, алгоритмы работают. Распознавание лиц, анализ поведения, аномалии. Надо быть просто ещё одним прохожим. Незаметным.

Где-то наверху щёлкнуло — еле слышно, как затвор. Камера на углу медленно, с механической точностью, повернулась, проверяя сектор.

Борис замер. Катя тоже заметила.

— Не смотри на неё, — прошептала она. — Иди спокойно. Как будто ничего не случилось.

Через пару кварталов они вышли к старому двору, окружённому домами с высокими глухими стенами. В углу стоя-

ла будка охранника — пустая, дверь приоткрыта. Катя кивнула на неё.

— Тут можно передохнуть. И подумать.

Внутри пахло пылью и старым деревом. Борис сел на жёсткую скамейку, снял кепку, провёл рукой по лицу.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он. — Если бы я выложил эти улики, меня бы либо объявили сумасшедшим, либо врагом. А теперь я понимаю, что даже если бы мне поверили, это ничего бы не изменило. Потому что правда уже не имеет значения. Важна только картинка, которую показывают. Важны камеры, которые всё записывают, даже когда никто не смотрит.

— Именно поэтому мы их не показываем, — спокойно сказала Катя. — Система не ищет правду. Она ищет порядок. И если правда нарушает порядок, система её стирает. Или делает так, что в неё никто не верит.

Снаружи тихо звякнуло. Оба замерли. Послышался размеренный шаг — не бег, не крик, а неторопливый, уверенный шаг. Кто-то шёл по двору.

Катя осторожно выглянула в щель. Вернулась с усталым лицом.

— Патруль, — коротко сказала она. — Те самые, из узла связи. Те, кто убирает следы.

— Они нас видели?

— Не знаю, — призналась Катя. — Но если камеры работают, то да. Мы засветились.

Борис посмотрел на дверь, потом на маленькое окошко под потолком.

— Значит, надо уходить, — сказал он. — И не по улицам.

— Есть идея, — Катя достала старую карту. — Под городом полно старых тоннелей. Канализация, технические ходы, заброшенные ветки метро. Там камер нет. Там система слепа по-настоящему.

Она развернула карту и провела пальцем по тонкой линии, петляющей под кварталами.

— Мы можем пройти там. Далеко не уйдём, но хотя бы скроемся с картинки.

Борис кивнул. Он больше не думал о докладах, о тезисах, о том, как объяснить миру уязвимость острова. Сейчас его волновало только одно: как сделать так, чтобы их не нашли. Чтобы эти чёртовы камеры, эти алгоритмы, эти невидимые наблюдатели не смогли превратить их в ещё одну строчку в отчёте.

Они вышли из будки, когда шаги во дворе затихли. Катя шла первой, держа карту так, чтобы свет не падал на неё. Борис следовал за ней, стараясь ступать бесшумно, не поднимать голову, не смотреть на камеры, которые, он чувствовал, всё ещё провожали их взглядом.

Где-то высоко над крышами, в невидимом центре, экраны могли мигать, метки могли двигаться, алгоритмы могли считать их аномалией. Но здесь, в темноте переулка, среди старых кирпичей и сырого воздуха, они были просто двумя

людьми, которые шли туда, где свет не достаёт.

Москва

Как известно, в России нет никаких тайных обществ, масонов и иллюминатов, но есть профессиональные и компетентные службы обеспечения безопасности — и именно поэтому в этот час в защищённом центре управления, глубоко под землёй, собрались те, кто не привык верить в совпадения.

Зал был лишён показной роскоши: серые панели, экраны с бегущими строками данных, приглушённый свет, который не резал глаза и не мешал считывать информацию. За главным столом сидел Президент. Напротив него — главы СВР, ФСБ, ГРУ, представители Генштаба. Лица у всех были усталыми, но собранными: здесь не было места эмоциям, только факты, версии и варианты действий.

— Докладывайте, — коротко произнёс Президент, глядя на главу СВР.

Тот кивнул, коснулся сенсора на планшете, и на центральном экране появилась карта Лондона с наложенными точками ударов: Букингемский дворец, Хитроу, Феликстоу, Саутгемптон, узлы связи, резервные центры.

— По нашим данным, удары наносились не хаотично. Это точечная зачистка инфраструктуры. Одновременно с этим зафиксировано полное отключение западных систем наблюдения за ракетной опасностью. «Палантир» — в их терми-

нологии — фактически слеп. Данные противоречивы, верификация источников невозможна.

Президент чуть наклонил голову:

— Что значит «невозможна»?

— Значит, система не просто повреждена, — спокойно пояснил глава СВР. — Она даёт ложные данные. В логах — следы подмены. Причём следы слишком чистые, слишком правильные. Такое бывает, когда кто-то заранее готовит легенду.

На экране сменился слайд: расшифровка радиосообщения, доставленного через резервную линию связи из Лондона. Текст был коротким, но ёмким: «Палантир не видит. Никто не видит. Удары синхронизированы. Подозреваю зачистку биотех-проекта. Остаюсь в тени. Жду инструкций». Подпись: «Мимоза».

— Это от нашего агента в Лондоне, — пояснил глава СВР. — Агент Мимоза — она же Катя. Мы получили сообщение через любительский эфир, перехват шёл через ретранслятор в Скандинавии. Качество низкое, но подлинность подтверждена.

Глава ФСБ, крупный мужчина с тихим голосом, который всегда говорил так, будто каждое слово приходилось взвешивать, взял слово:

— У нас есть дополнительные данные.

На Западе ведётся работа по созданию биороботов-биоморфов — гибридных систем, где биологическая составля-

ющая сочетается с ИИ. Речь не о фантастике, а о вполне реальных экспериментах: управление мышечными волокнами через нейроинтерфейсы, автономные алгоритмы принятия решений, маскировка под человека. И, что важно, в этих проектах участвует команда, которая разрабатывала «Палантир». Не как отдельная группа, а как часть общей архитектуры контроля.

Он коснулся экрана, и поверх карты Лондона легли ещё несколько меток — уже не по Британии, а по Калифорнии: адреса лабораторий, офисы ИТ-компаний, имена ключевых разработчиков.

— Мы считаем, что «Палантир» был не просто системой наблюдения, — продолжил глава ФСБ. — Он был и элементом управления. В том числе — для координации таких систем, как эти биоморфы. Если проект вышел из-под контроля, его могли попытаться уничтожить, чтобы не допустить утечки. Либо, наоборот, использовать как инструмент для точечной зачистки.

Президент помолчал, глядя на схему.

— То есть вы говорите, что удары по Лондону — это не начало войны, а ликвидация следов? — Именно так, — кивнул глава СВР. — И если это так, то сейчас самое опасное — не сами удары, а то, что будет дальше. Кто-то убирает улики. А значит, он будет убирать и свидетелей.

В зале повисла короткая пауза. Потом Президент спросил:

— Агент Мимоза. Она знает, что её сообщение получено?

— Да. Мы отправили подтверждение через тот же канал. Но связь нестабильна. Следующий сеанс — через двенадцать часов. До этого момента она должна оставаться вне зоны видимости.

— Она не одна, — вставил глава СВР, глядя в свой планшет.

— С ней гражданский — русский эмигрант, Борис. Он не наш агент, но оказался в эпицентре событий. И, судя по всему, именно он помог Кате собрать часть данных.

Президент снова помолчал. Потом чётко произнёс:

— Задача номер один: вывезти агента Мимозу из Британии. Живой. Задача номер два: направить её в Калифорнию. Пусть внедрится в одну из ИТ-компаний из вашего списка. Нам нужно понять, что там происходит на практике, а не в отчётах.

Глава ФСБ кивнул: — Уже готовим маршрут. Используем старую сеть контактов, гражданские каналы, без привлечения официальных структур. И ещё — мы хотим подключить к этому делу человека, который уже сталкивался с темой. Эмигрант Борис. Если он действительно собрал часть данных, его наблюдения могут быть ценнее любых перехватов.

Президент посмотрел на него внимательно.

— Вы предлагаете его завербовать?

— Не завербовать, — поправил глава ФСБ. — А предложить выбор. Он уже знает слишком много. И если мы его

бросим, он станет мишенью. А если поможем — он может стать источником уникальной информации. У него нет доступа к секретным базам, но у него есть наблюдательность и понимание того, как всё выглядело изнутри.

Президент медленно кивнул.

— Делайте. Но без лишнего шума. Сейчас любая ошибка может быть использована против нас.

Когда совещание закончилось и зал опустел, глава ФСБ задержался у экрана, на котором всё ещё горели метки: Лондон, Калифорния, имена, адреса. Он провёл пальцем по стеклу, стирая одну из точек — ту, что обозначала лабораторию, уже уничтоженную ударами.

— Самое страшное, — тихо произнёс он, скорее себе, чем кому-то ещё, — не то, что кто-то строит биоморфов. А то, что они уже научились стирать себя с карт. И делать так, что никто не замечает, как исчезают целые проекты. Даже «Палантир», который должен был всё видеть.

Он выключил экран. В зале стало темно, и только тонкая красная линия индикатора продолжала гореть — как напоминание, что система всё ещё работает. И что где-то там, в темноте, кто-то тоже смотрит на свои экраны и принимает решения.

Снова Лондон

В защищённом бункере под Лондоном, где стены гасили даже шёпот, а экраны показывали не новости, а потоки сырых данных, главы разведок США, Британии и Израиля сошлись в секретном видеочате. Лица на экранах были усталыми, без привычной дипломатичной гладкости — сейчас здесь не играли в вежливость.

— Запуска ракет из России или Ирана не было, — сухо констатировал глава ЦРУ, водя пальцем по распечатанной сводке, — Ни одного следа в телеметрии. Ни пролётов, ни подлётов к поражённым целям. Даже на сохранившихся любительских видео — ничего. Никаких инверсионных следов, никаких характерных вспышек двигателей.

— Подтверждаем, — кивнул руководитель МИ6. — Наши станции раннего предупреждения ничего не фиксировали. Системы ПВО не поднимались по тревоге — потому что тревога пришла уже после взрывов.

Израильский представитель, молчавший первые минуты, наконец заговорил:

— Значит, это не классическая ракетная атака. Либо дроны с иной схемой полёта, либо вообще не воздушные средства. Либо… кто-то отключил возможность видеть.

На секунду в чате повисла тишина — та самая, когда все понимают одну и ту же вещь, но никто не хочет её произно-

сить вслух.

— «Палантир» слеп, — тихо сказал глава МИ6. — Не просто повреждён. Он выдаёт ложные данные. Мы видим дыры там, где должны быть треки.

— Тогда у нас нет картины, — резко бросил американец. — А без картины мы не можем принимать решения. Значит, нужно создать хотя бы видимость контроля.

Они быстро выработали позицию для СМИ и правительств: теракты, совершённые неизвестной пока группой. Без привязки к государствам, без громких обвинений. Пока только «террористы», «чрезвычайные меры», «восстановление инфраструктуры и интернета». Это давало время и прикрывало отсутствие ответов.

— Ещё один момент, — вновь заговорил глава МИ6, чуть наклоняясь к камере, будто хотел сократить расстояние между ними. — Мы задержали двух человек, которые могут обладать ценной информацией. Один — гражданский, русский эмигрант. Второй… скажем так, связан с нашими внутренними протоколами. Есть вопросы, которые нельзя обсуждать в переписке.

Он посмотрел прямо в камеру, обращаясь уже не ко всем, а к одному:

— Мне нужна личная встреча с вами, — сказал он, глядя на главу ЦРУ. — Сегодня. В безопасном месте. Есть детали, которые… могут изменить всю картину.

Американец помолчал, потом коротко кивнул:

— Согласуем параметры срочного визита. Дайте окно в три часа. И никаких официальных маршрутов.

К вечеру, почти к ночи первого дня катастрофы, информационное поле взорвалось заявлением главы правительства Британии. Сухой, отрепетированный текст, в котором слова «теракты», «неизвестная группа», «меры по восстановлению» повторялись, как заклинания. По телевизору, в соцсетях, на бегущих строках новостных сайтов — везде звучало одно и то же: «Сохранять спокойствие», «Инфраструктура восстанавливается», «Интернет будет доступен в ближайшее время».

Но чем дольше люди вчитывались, тем сильнее чувствовалась фальшь: в заявлении не было ни имён, ни подробностей, ни даже описания типа взрывных устройств.

Только общие фразы и обещания.

Ближе к утру пришла новая волна новостей — ещё более странная. Сообщалось о падении самолёта, на борту которого находился глава МИ6. Частный борт, чартерный рейс над Атлантикой — и вдруг потеря связи, затем сигнал бедствия, потом тишина. Поисковые суда уже вышли в район, но шансов почти не было.

И почти одновременно с этим — другая новость, короткая, почти незаметная на фоне катастрофы: на берегу Ла-Манша вечером была найдена одежда мужчины и женщины. Тела не найдены. Полиция просила не делать поспешных выводов, но в комментариях под заметкой уже множились тео-

рии: побег, похищение, инсценировка.

В это время Борис и Катя шли по узкому, сырому тоннелю под городом. Здесь не было камер, не было экранов, не было даже нормального света — только тусклый луч фонарика, который выхватывал из темноты влажные стены, ржавые трубы и старые кабели

.Катя шла впереди, сверяясь с картой. Борис старался не думать о том, что над ними сейчас весь Лондон, полный сирен, патрулей и камер, которые всё ещё пишут, даже если никто не смотрит.

— Мы почти на месте, — тихо сказала Катя, останавливаясь у металлической двери с облупившейся краской.

— Здесь выход к старой ветке метро. Дальше можно подняться в районе, где меньше патрулей.

Борис кивнул, но не двинулся с места.

— Ты слышала про самолёт? — спросил он.

Катя замерла, потом медленно повернулась к нему.

— Откуда?

— В одном из переходов висел старый динамик. Я услышал обрывок новости. Глава МИ6… разбился.

Она помолчала, будто взвешивая каждое слово.

— Это не совпадение, — наконец произнесла она. — Слишком много всего происходит одновременно. И слишком гладко всё складывается в одну версию: «террористы». Как будто кто-то заранее подготовил этот сценарий.

— И эта одежда на берегу… — добавил Борис. — Муж-

чина и женщина. Тела не нашли.

— Да, — кивнула Катя. — Это может быть отвлекающий манёвр. Или… способ убрать неудобных людей.

Борис посмотрел на дверь, потом на фонарик, свет которого казался здесь почти смешным — как будто этим слабым лучом можно было осветить всю ту тьму, что сейчас накрыла город.

— Знаешь, что меня пугает больше всего? — тихо сказал он. — Не взрывы. Не патрули. А то, как быстро все готовы поверить в удобную версию. «Террористы». И дальше — никаких вопросов.

— Потому что вопросы опасны, — спокойно ответила Катя. — А удобная версия — это способ вернуть контроль. Пусть даже иллюзорный.

Она потянула дверь. Та скрипнула, но поддалась. За ней была лестница, ведущая наверх, в темноту.

— Пошли, — сказала Катя. — Сейчас наша задача — просто выбраться. А разбираться будем потом. Если будет кому.

Борис шагнул за ней, оставляя позади тоннель, сырость и тишину, которая теперь казалась ему почти зловещей — потому что в этой тишине кто-то очень хорошо знал, что делает.

Тоннель выводил к старому техническому люку, наполовину засыпанному мусором. Катя первой выбралась наверх, осмотрелась, потом подала руку Борису. Они оказались в заброшенном дворе за складами — здесь пахло мокрым бето-

ном и гарью, а вдалеке, за крышами, всё ещё тянулся тонкий столб дыма.

Катя достала карту, сверилась с ориентирами. — Отсюда до набережной минут двадцать, — сказала она. — Но лучше держаться переулков. Сейчас на открытых улицах слишком много патрулей.

Они шли быстро, почти не разговаривая. Каждый звук заставлял вздрагивать: сирена вдалеке, резкий окрик, грохот упавшего мусорного бака. Борис всё время ловил себя на том, что смотрит вверх — на камеры. Они были везде: на углах, над подъездами, на фонарных столбах. Казалось, город не просто наблюдал — он охотился.

И вдруг в узкой арке, где пахло плесенью и старыми газетами, Катя резко остановилась и прижала палец к губам. — Тихо, — прошептала она. — Слышишь?

Борис прислушался. Где-то рядом, в темноте, тихо щёлкнуло. Не металл, не камень — будто кто-то аккуратно поставил что-то на пол.

Катя медленно потянулась к стене, нашарила в темноте какой-то выступ, дёрнула.

С тихим скрипом приоткрылась ниша — не настоящая дверь, а фальшпанель, за которой прятался узкий отсек. Внутри лежала сумка — простая, чёрная, из плотной ткани, с молниями и кодовыми замками.

— Это для нас, — тихо сказала Катя, будто сама не верила в то, что говорит. — Я не заказывала. Но это точно для нас.

Она расстегнула молнию. Внутри лежали документы: паспорта, водительские права, свидетельства о браке. На фото — они. Только теперь они были не Борисом и Катей, а Олегом и Ириной Коваль, гражданами Украины, художниками. В кармашке — деньги, кредитные карты, несколько симкарт. А на самом дне — два билета на паром до Франции и распечатки авиабилетов: Париж — Бостон, Бостон — Сиэттл, Сиэттл — Лос-Анджелес.

Борис провёл пальцами по обложке паспорта, по фото, где он улыбался чуть шире, чем в жизни.

— Кто это сделал? — прошептал он.

— Те, кто умеет оставлять пути отхода, — так же тихо ответила Катя. — Те, кто знает, что иногда единственный способ спасти агента — это сделать так, чтобы его больше не существовало.

— А одежда на берегу Ла-Манша… — вдруг понял Борис.

— Да, — кивнула Катя. — Это была не случайность. Это была легенда. Теперь весь мир считает, что мы утонули. Для всех остальных мы — просто вещи, найденные на песке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.